

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Э то было в парижском дворце Сен-Поль, где я родилась; вопя как полоумная, я изо всех сил гналась за своей сестрой по комнатам королевской резиденции. Но Мишель, которая неслась, как заяц, преследуемый сворой гончих, была старше меня, и поймать ее никак не удавалось. Взбежав большими прыжками по широкой лестнице, она рванулась по пустынной галерее в вестибюль и попыталась захлопнуть передо мной двери. Мы были одни, и во время этой ожесточенной и довольно постыдной погони нас никто не видел.

Я уклонилась от тяжелой двери, и та с грохотом врезалась с размаху в стену. Я запыхалась, в боку кололо от быстрого бега, но пустой желудок неумолимо подгонял меня вперед, и отступать я не собиралась. Продолжая мчаться за сестрой, я с восторгом услышала, как Мишель вдруг жалобно заскулила, когда, поскользнувшись на повороте, наткнулась на острый угол громадного дубового шкафа, стоявшего у стены. После этого она опрометчиво влетела в зал для аудиенций, и тут я издала громкий победный клич. Другого выхода из этой комнаты, отделанной тонкой резьбой и позолотой, не было. Я поймала Мишель. Но что еще важнее, теперь я отберу у нее то, что она судорожно сжимала в кулаке.

Загнанная в угол, Мишель стояла передо мной, ожесточенно сверкая глазами и скаля зубы.

— Поделись! — потребовала я.

Она задыхалась от быстрого бега, но, несмотря на это, тут же сунула заветный кусок хлеба себе в рот; я не раздумывая бросилась на нее, и мы покатались по полу, превратившись в невообразимый клубок из грязных юбок, немых детских ног и растрепанных засаленных волос. В ход пошли ногти, зубы, острые локти, до тех пор пока мне не удалось стукнуть

Мишель кулаком в живот, вложив в удар всю силу моего щедрого пятилетнего тела, и наконец отобрать у нее приз — черствую корку и обуглившуюся на огне косточку какого-то неизвестного животного (все это она стянула на кухне, когда кухарка неосторожно отвернулась). Поднявшись на ноги, я попыталась, на ходу запихивая в рот жесткий хлеб и вгрызаясь в остатки мяса на косточке под шумное урчание собственного голодного желудка. Мишель была в ярости, и я спешно развернулась, чтобы сбежать тем же путем, каким мы сюда попали.

— Что происходит?

Вопрос был задан сдержанным тоном, но голос был весьма властным. Путь к отступлению был отрезан, и я остановилась; тем не менее я все равно успела бы ускользнуть, только вот Мишель теперь была совсем рядом. Мы были настолько увлечены друг другом, что не слышали ничего вокруг; теперь же стук собственного сердца у меня в ушах был таким громким, что я едва не оглохла. Виски сдавило, и в голове вновь возникла слабая пульсирующая боль, которая часто появлялась, когда я волновалась или нервничала.

— Прекратите немедленно!

Голос утратил сдержанность, и я наконец замерла на месте, а затем торопливо и очень неловко присела в реверансе, отчего мои юбки еще больше испачкались пылью и крошками, валявшимися на полу. У нас не было гувернантки, которая следила бы за нашими манерами и воспитанием: в доме попросту не было денег на такую роскошь.

— Итак? — Король, наш отец, вопросительно перевел недовольный взгляд на сопровождавшего его слугу.

— Это ваши дочери, сир, — с готовностью пояснил тот не слишком почтительным тоном.

— Неужели? — Король посмотрел на нас с некоторым удивлением, а затем приветливо улыбнулся. — Подите сюда, — сказал он, одновременно вытаскивая из-за пояса нож, украшенный драгоценными камнями.

Мы вздрогнули, не сводя глаз с лезвия, зловеще блеснувшего на свету, когда король несколько раз резко взмахнул им перед собой. Все знали, что наш отец, когда был не в духе, мог

ни с того ни с сего наброситься на окружающих, и поэтому мы не очень-то успокоились, даже когда слуга забрал нож из его руки — кстати, такой же грязной, как и моя, — и сунул себе за пояс. Глаза короля вспыхнули странным лукавым блеском. Он протянул ко мне руку и, не обращая внимания на то, что я отшатнулась, взял прилипшую к шее прядь спутанных волос, напоминавших овечью шерсть, слежавшуюся за зиму. Его пальцы сжались, и я вся напряглась в ожидании боли, догадываясь, что он может не рассчитать силу.

— Ты у нас кто? — довольно ласково поинтересовался король.

— Екатерина, сир.

— Ну да, так и есть. Ты еще слишком маленькая. — Он вопросительно выгнул бровь. — А ты кто?

— Мишель, сир.

— А почему вы обе не на занятиях?

Я искоса глянула на сестру; та молча опустила голову. Нас уже месяц ничему не учили.

— Ну? — В голосе отца вновь появилась хорошо знакомая нам резкость. — Вы что, языки проглотили?

— *Мадам*, наша гувернантка, ушла от нас, — осмелилась пояснить я.

— Что, правда? А кто же одевал вас сегодня утром? Ладно, можете не отвечать. — Король резко обернулся к слуге, и огонь в его глазах потускнел. — Почему они так выглядят? Ничем не лучше домашнего скота...

— За ними никто не смотрит, сир.

— Почему же? Разве у них нет прислуги? Куда подевались их служанки?

— Они тоже ушли, сир. Ведь им не платили уже много недель...

Король снова остановил взгляд на мне. Он подозрительно щурился, и меня это пугало, но его вопрос прозвучал четко и ясно:

— А что это ты прячешь за спиной, Екатерина?

Когда я показала, отец схватил меня за руку и прорычал:

— Когда ты в последний раз ела — не считая этого раза?

— Вчера, сир, — ответила за меня Мишель, ведь я от страха лишилась дара речи.

— Потому-то вы и украли хлеб и мясо? Молчать! Молчите обе! — взревел король, не давая нам возможности сказать что-либо в свое оправдание, и мы послушно притихли. — Боже правый! Да вы ничем не лучше беспризорников, роющихся в сточных канавах парижских трущоб!

Я бочком подошла к Мишель и схватилась за ее платье, боясь, что упаду в обморок от ужаса. Неужели отец действительно побьет нас за прегрешения? Руки у меня так сильно дрожали, что уже не слушались, и остатки еды полетели на пол. Я никогда не отличалась храбростью.

— Где их мать? — грозно спросил король. Слуга неопределенно покачал головой. — Ждите меня здесь!

Отец решительным шагом вышел из комнаты, оставив нас троих в растерянности. А что, если он вообще не вернется? Что, если забудет о нас? Впрочем, вероятно, для нас так было бы даже лучше. Я быстро глянула на Мишель. Может, нам просто сбежать, пока еще есть такая возможность? Угадав мой немой вопрос, сестра отрицательно покачала головой, и мы остались стоять на месте, с тревогой вслушиваясь в затихающие вдалеке звуки тяжелой поступи. Наступила тишина, нарушаемая лишь шарканьем моих босых ног по полу и сопением шмыгавшей носом Мишель. Слуга тяжело вздохнул. Но тут в галерее вновь послышались шаги — отец возвращался. Он стремительно вошел в комнату, в порыве неуправляемой энергии размахивая руками, напоминая сейчас крылья ветряной мельницы.

Я заскулила от страха.

— Вот! — Отец сунул в руки слуге тяжелый золотой кубок, украшенный драгоценными камнями. — Продай его! — раздраженно бросил король, обнажив неровные потемневшие зубы. — Заплатишь служанке, чтобы та за ними ухаживала. Им нужна хорошая еда и наряды, достойные моих дочерей. — Он еще раз мельком глянул на нас сверху вниз с несколько озадаченным выражением лица, а затем вновь удалился из комнаты.

После этого нас с сестрой действительно стали кормить надлежащим образом. Но не припоминаю, чтобы у нас появилась новая одежда.

Вот каковы мои самые яркие детские воспоминания. Холод, голод, лишения и отсутствие внимания. Постоянный страх. Полная нищета — следствие равнодушия и пренебрежения со стороны тех, кто должен был о нас заботиться. Как можно было допустить, чтобы принцессы Валуа страдали от бедности? И тем не менее мы в ней погрязли. На некоторое время ситуация улучшилась, но надолго ли могло хватить монет, вырученных от продажи одного золотого кубка? За несколько недель эти деньги растворились в руках у слуг, и мы с сестрой снова слонялись по дворцу, голодные и неухоженные, с тощими животами, прилипшими к позвоночнику.

Кем же мы, я и Мишель, были на самом деле? Как могло случиться, что принцессы Валуа росли в таком небрежении? Несмотря на то что мы были дочерьми короля Карла и королевы Изабеллы, вступить за нас было некому. Мы с Мишель были членами большой семьи, состоявшей из шести братьев и пяти сестер, отпрысков могущественного короля Франции Карла Шестого и его супруги, королевы Изабеллы Баварской, еще более влиятельной, чем он.

Необычайно плодовитые в браке, король и королева со временем окончательно отдалились друг от друга. Мы, младшие дети, оказались в западне, став жертвами их ненависти. Все мои братья умерли, за исключением крошки Карла; сестры вышли замуж или же постриглись в монахини, и мы с Мишель вынуждены были самостоятельно справляться с потрясением после разрыва наших родителей.

Почему они так мало думали о нас?

Став старше, мы с легкостью в этом разобрались. Король, наш отец, страдал от какого-то недомогания, обострявшегося во время приступов гнева, когда он терял рассудок. Его разум с пугающей регулярностью метался от состояния помутнения до полной ясности, от ярости до улыбочивой безмятежности. В худшие минуты королева вызывала у него острую ненависть, и тогда он осыпал ее оскорблениями и беспощадно избивал.

Наш отец больше не признавал ее женой, с которой делил постель и королевский двор. Злые языки говорили, что он имел на это полное право.

Этот скандал достиг и наших ушей и лег бременем греха и безнравственности на детские плечи.

Наша мать, лишенная внимания мужа, не желавшего ее знать, окружила себя собственным двором и развлекалась сладострастными романами, следовавшими друг за другом непрерывной чередой. Я, конечно, была еще очень мала, но о королеве ходили непристойные сплетни, и неприличность намеков была слишком очевидна даже для детского ума. В то время как у меня не было даже пары целой, не стертой до дыр обуви, моя мать расточительно и бездумно тратила деньги на новые наряды и придворных, ведя разгульную жизнь; ее любовные приключения приводили в ужас королевские дворы Европы.

Поговаривали, что она была женщиной неистовых плотских потребностей и завлекала в свою постель красивых и знатных мужчин. Ходили слухи, что среди них был и Луи Орлеанский, младший брат моего отца, убитый впоследствии по приказу Жана Бесстрашного, бургундского кузена короля. А еще злословили, что мой младший брат Карл, ставший дофином после смерти братьев, на самом деле, возможно, незаконнорожденный.

Вот какими были мои родители и я, их дочь Екатерина. Непростое наследство для столь юного создания: с одной стороны безумие отца, с другой — безудержная похотливость матери. Моя детская головка была забита непристойными сплетнями. Неужели и я однажды стану такой же, как Карл и Изабелла? Неужели унаследую порочную природу своих родителей, так же как унаследовала светлые волосы матери?

— Я что, тоже буду сумасшедшей и испорченной? — испуганным шепотом наивно спросила я у Мишель, в ужасе при мысли о том, что в меня будут тыкать пальцами и смеяться. Такая перспектива казалась мне невыносимой.

— Не понимаю, почему ты обязательно должна стать такой же, — не по-детски рассудительно заметила Мишель. — Наша сестра Мария, например, очень набожна — и кичится этим. А зачем еще женщине становиться монашкой? Лично я не со-

бираюсь сходить с ума или раздеваться до нижней сорочки перед каждым мужчиной, попавшимся мне на глаза. Так с чего ты взяла, что наши семейные изъяны должны проявиться *в тебе*?

Благодаря этим словам я на некоторое время немного успокоилась, однако вскоре голод и всеобщее пренебрежение снова заставили меня осознать, что моя жизнь, надежды и страхи на самом деле никого не интересуют. Изабелла имела репутацию женщины знойной и страстной, но при этом была совершенно не способна испытывать материнскую любовь. Отец запирался от нас в своих палатах, мать развлекалась на свой вкус, а мы с Мишель выживали как могли: недаром король сравнил нас с одичавшими домашними животными.

Но внезапно, без какого-либо предупреждения, наша мать, королева Изабелла, снизошла до нас. Воссоединение это нельзя было назвать счастливым.

— Пресвятая Богородица!

Такова была первая реакция моей венценосной матушки, когда она на нас взглянула. Затем Изабелла на некоторое время умолкла, после чего, стараясь держаться от нас подальше, чтобы не испачкаться и не подхватить вшей, она принялась отдавать приказы властным тоном, не терпящим неповиновения. Нас сгребли, как будто каких-то вредных насекомых, замотали в плащи, такие же грязные, как и мы сами, и сунули в какую-то таратайку на колесах. Королева, ясное дело, путешествовала отдельно, в шикарном паланкине, поражающем своей роскошью, в то время как мы с Мишель тряслись в своей повозке, замерзшие и объятые ужасом; мы жались друг к другу и дрожали от страха, как парочка до смерти перепуганных мышат, ведь никто не удосужился сообщить нам, куда мы, собственно, направляемся. Таким вот неприглядным образом нас, двух самых юных принцесс из династии Валуа, доставили в женский монастырь в Пуасси.

— Это мои младшие дочери. Поручаю их вам. Они остро нуждаются в дисциплине, — заявила королева, когда мы прибыли на место.

На дворе было уже темно, и монахини готовились к вечернему богослужению — не самая подходящая обстановка для маленьких детей. Я так испугалась, что у меня отнялся язык.

Человеческие фигуры в белых туниках и наплечниках напоминали привидений, а доминиканские черные плащи и головные уборы выглядели угрожающе. Моя сестра, чопорная и набожная Мария, возможно, уже приняла обет и была одной из этих призрачных созданий, но я совсем не знала ее, ведь она была гораздо старше меня.

— Это Мишель, — между тем продолжала королева. — Уже решено, что она выйдет замуж за Филиппа Бургундского. Сделайте с ней, что сможете.

Я судорожно схватила сестру за руку; при мысли о том, что я останусь одна в этом холодном угнетающем месте среди монашек в их сорочьих одеяниях, мой страх многократно усилился. Разве я смогу здесь выжить, если Мишель уедет к своему мужу? Наша двоюродная бабушка Мария Бурбон, настоятельница монастыря в Пуасси, взирала на нас с холодным высокомерием, напоминая хищника в зверинце моего отца.

— Они очень грязные. — В неодобрительном взгляде ее блеклых глаз, которым она нас окидывала, читались презрение и брезгливость. — А что насчет этой?

— Это Екатерина. Ей лет пять... или около того. — Изабелла даже не знала моего возраста. — Все, чего я от нее хочу, — это чтобы она была опрятной и с хорошими манерами. И чтобы годилась на роль невесты. Со временем для нее найдется какой-нибудь высокородный принц, который ради брачного союза с родом Валуа обратит на нее свой благосклонный взор.

Настоятельница посмотрела на меня так, как будто считала эту задачу непосильной для себя.

— Что ж, сделаем и для нее все возможное, — наконец заключила моя двоюродная бабушка. — Она умеет читать? Писать?

— Понятия не имею.

— Ее должны были этому научить...

— Неужели это так уж обязательно? Для ее будущей роли такие умения вообще ни к чему, и к тому же я весьма сомневаюсь в ее умственных способностях; вряд ли ее можно было чему-либо научить. Посмотрите на нее. — Презрительные слова королевы были жестокими, и я захныкала от страха,

грязным рукавом размазывая по лицу слезы. — Она выйдет замуж благодаря королевской крови, а не потому, что умеет орудовать пером.

— Так вы хотите, чтобы она осталась безграмотной?

— Я не желаю, чтобы из нее вышла педантка. Достаточно будет, если она сумеет привлечь внимание благородного принца и согреть его постель; тогда на нее обязательно кто-нибудь польстится.

Они беседовали, не обращая на меня внимания, но тон был мне ясен, и я сжалась от стыда — я уже тогда понимала, что мне должно быть стыдно. Когда же их беседа наконец подошла к концу, Изабелла впервые за все это время посмотрела мне прямо в глаза.

— Учись быть послушной и смиренной, Екатерина, чтобы оправдать свою знатную фамилию. Если же станешь бесчинствовать, тебя высекут розгами.

Я потупилась.

— Если будешь угрюмой, никто не возьмет тебя в жены, несмотря на то что ты Валуа. Ни одному мужчине не нужна мрачная супруга. А если у тебя не будет мужа, ты останешься здесь и пострижешься в монахини, как твоя сестра Мария.

Это были последние слова моей матери. Она уехала, так и не прикоснувшись ко мне. Я не была угрюмой, но... как бы это объяснить? Просто меня пугала жизнь, которой я не знала и не понимала.

Нас с Мишель поселили в одной келье. Жаловаться мне было не на что: в конце концов, нас с сестрой не разделили, мы были вместе, да и обстановка в нашем жилище была неплохая, хоть и скудная. Мы ведь все-таки были принцессами. Мне велели ложиться в постель, не болтать и поскорее засыпать, чтобы завтра встать еще до рассвета к заутрене по сигналу колокола. С этого и должна была начаться моя жизнь в монастыре Пуасси.

Так я и сделала. В ту пору никаких особых материальных потребностей у меня не было. Я была вымыта, накормлена, мне давали совсем немного наставлений, я посещала все службы

и училась респонсорному пению¹. Я научилась послушанию и смирению, но не обрела уверенности в себе, в отличие от своей благословенной сестры Мишель. В общем, для меня это была отупляющая жизнь, монотонность которой разбавлялась переживаниями о некоем неизвестном принце, который явится однажды и заберет меня отсюда, если я буду достаточно красивой и скромной. Такое существование меня угнетало.

«Они нуждаются в дисциплине», — сказала королева на прощанье.

К ней-то нас и приучали. Без любви. Без привязанности. Правила настоятельницы, нашей двоюродной бабушки Марии, были строгими и нерушимыми, и моя жизнь в Пуасси напоминала заточение в каменной гробнице.

— Какие грехи ты совершила на этой неделе, Екатерина? — спросила настоятельница, как делала это каждую неделю.

— Я нарушила обет молчания, матушка.

— Единожды?

— Нет, каждый вечер, — призналась я, неотрывно глядя на подол ее красивого тонкого одеяния.

— Зачем же ты это делала?

— Чтобы поговорить с Мишель, матушка.

В сестре я находила источник сил и успокоения. Она была моим утешением. С наступлением темноты, когда по полу бегали крысы и ночные тени подкрадывались вплотную к моей кровати, Мишель была мне просто необходима. Мне обязательно нужно было слышать голос сестры и крепко держать ее за руку. Я уже говорила, что в детстве у меня не было уверенности в себе; не было также и отваги.

Настоятельница выслушала мое признание с ужасающим равнодушием; лишь ее белый головной убор слегка дрогнул.

— Ты исповедовалась в этом?

— Да, матушка.

— Ты простоишь на коленях два часа перед алтарем. Это научит тебя соблюдать обет молчания и другие правила. А если

¹ Хоровое пение, в котором попеременно звучат голоса хористов и солиста, исполняющих псалмы и религиозные гимны. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

будешь упорствовать в нарушениях, Екатерина, я переведу тебя в отдельную келью, лишив общества сестры.

Эта угроза заставила меня содрогнуться от ужаса. Выполняя епитимью, я очень страдала, стоя на ноющих от боли коленях в зловещей тишине церкви, наполненной пугающими тенями, но извлекла из этого важный урок. Я больше ни разу не нарушила монастырские правила: угроза расставания с Мишель была гораздо более действенным средством устрашения, чем розги. Мое сознание было слишком слабым, чтобы выдержать испытание одиночеством. Поэтому по вечерам я молчала и тихо плакала, уткнувшись лицом в надежное плечо сестры, пока не поняла, что мои слезы ничего не значат. Нам было не под силу вырваться за пределы сырых промозглых стен монастыря Пуасси и спрятаться от местных суровых правил.

— Ты не должна болтать, — твердила мне настоятельница. — Но я также не хочу слышать твоё хныканье. Благодарю Господа за Его доброту и великодушие, ибо Он дал тебе крышу над головой и пищу твоим устам.

Новая угроза с её стороны была слишком очевидна. И я больше не плакала.

Я входила в пору юности, но с течением лет не становилась более уверенной в себе и уравновешенной. Я научилась контролировать свои эмоции, выражение лица и каждое произнесенное слово из страха, что меня обидят. У меня не было карт или схем, которые могли бы привести меня к таким понятиям, как любовь или хотя бы привязанность: я не знала, чем измеряются такие чувства и как на них реагировать.

Как мог ребенок, не знавший, что такое тепло материнских рук, небрежные ласки отца или хотя бы казенная забота гувернантки, входившая в её обязанности, понять мощь и восторг любви, которую дарят свободно, без каких-либо условий? Любовь со всеми её хитросплетениями была мне неведома.

В те годы мне было ясно лишь одно: если идти строго по узкой тропке дозволенного и подчиняться диктату власти, этим можно заработать снисхождение, а иногда — хоть и редко — даже награду.

— Я слышала, что ты немного умеешь играть на лютне, — как-то заметила настоятельница.

— Да, матушка, — ответила я и покраснела от удовольствия.

— Это хорошо, — кивнула она, обратив внимание на мои пылающие щеки. — Но гордыня — великий грех. Поэтому во искупление перед вечерней молитвой тебе следует трижды прочесть «Аве Мария» и «Отче наш».

Выходило, что, если я буду старательно выполнять все правила и вести праведную жизнь, какой ожидала от меня настоятельница, я стану девушкой, достойной любви. Наверное, тогда король, мой отец, меня признает и одарит своим расположением. А королева-мать полюбит и наконец-то мне улыбнется. Возможно, в этом случае кто-нибудь вызволит меня из Пуасси и я смогу зажить так, как и подобает принцессе из рода Валуа согласно представлениям моего незрелого ума: обрету роскошное окружение, буду разодета в шелка и смогу спать на мягкой постели.

Я никогда не умела контролировать свои грезы о светлом будущем. Мое сердце оставалось безрассудно нежным и жаждущим любви, даже когда детские мечты о спасении потерпели крах. Никто так и не явился в мою монашескую келью, чтобы вызволить меня оттуда. Какой бы смиренной и послушной я ни была, реальный кандидат в мужья на моем горизонте не появлялся.

Я столько лет не видела королеву, что уже потеряла счет времени.

А затем, когда приближалось мое пятнадцатилетие, Изабелла, наша непредсказуемая и вечно пропадавшая где-то мать, внезапно вновь почтила Пуасси своим визитом. Когда меня позвали, я отправилась к ней, призвав на помощь все свое самообладание, которому научилась с огромным трудом. Мишель к этому времени уже вышла замуж за бургундского кузена и не могла быть сейчас рядом со мной, и я очень об этом сожалела.

— Ты выросла, Екатерина, — заметила королева. — И потому, полагаю, мне нужно поискать в своем гардеробе новые наряды для тебя.

Ее оценивающий взгляд скользнул по грубой ткани монашеской рясы, обтягивающей мое юное девичье тело, и задержал-

ся на сильно потертых кожаных башмаках. Ее собственные соблазнительно округлые формы были затянуты в шелк и дорогое дамасское сукно; должно быть, королева подумала о том, что ей придется потратиться не для собственного удовольствия, и ее губы напряженно сжались. Но затем она вдруг улыбнулась, поразив меня, подошла вплотную и, взяв меня за подбородок, повернула мое лицо к свету, с трудом пробивавшемуся сквозь узкое, похожее на бойницу окно монастырской комнаты.

Я старалась выдерживать крепкое прикосновение ее пальцев и этот пристальный осмотр, сохраняя внутреннее спокойствие, которым на самом деле не обладала, и поймала себя на том, что инстинктивно затаила дыхание. Я просто не осмеливалась поднять глаза на мать.

— Сколько же тебе лет? — задумчиво произнесла она. — Четырнадцать? Пятнадцать? Ты почти взрослая женщина.

Теперь я все-таки рискнула на нее взглянуть. Изабелла поджала губы; ее внимательные глаза оценивающе рассматривали черты моего лица, в то время как тонкие пальцы тербли локон, выбившийся из-под моего чепца.

— Внешне ты истинная Валуа. В целом неплохо. В тебе даже есть некая элегантность, которой я не ожидала. — Она слабо улыбнулась. — Волосы такого же цвета, как и мои, — золотая пряжа; и характер, вероятно, тоже будет как у меня. Даже не знаю, пожалеть тебя за это или поздравить. — Ее взгляд стал напряженным. — Да, пора выдавать тебя замуж. И у меня на примете есть подходящий жених — если, конечно, мне удастся его заарканить, а потом еще и удержать. Что ты об этом думаешь?

Жених. Муж. Мои глаза округлились, внутри разлилось сладостное ожидание, напоминавшее тепло от чашки подогретого эля морозным утром; но поскольку все это было для меня полной неожиданностью, я даже не могла сказать, что об этом думаю. Да, я долго этого ждала, упорно молилась, чтобы это произошло, но когда заветный миг настал...

— Ты вообще способна выразить собственное мнение, Екатерина? — язвительно спросила Изабелла.

Я сочла такое замечание несправедливым, ведь у матери не было возможности поинтересоваться моим мнением с того

самого дня, когда она привезла меня в Пуасси. Впрочем, я бы все равно не посмела его высказать.

— Я хотела бы выйти замуж, — наконец сумела произнести я, как и положено почтительной дочери.

— Но станешь ли ты хорошей женой? Для осуществления моих целей ты должна быть безупречной. Ты достаточно хорошенькая, по крови ты Валуа, у тебя безупречное сложение, и ничто не указывает на то, что ты можешь оказаться бесплодной, — вслух рассуждала она. От последних слов я покраснела. — Но, к сожалению, однажды он уже отверг тебя. Жаль, конечно.

— Кто отверг меня, *маман*?

— Да этот мясник Генрих, у которого руки по локоть в крови. Это было потрясением. Я растерянно заморгала и вся обратилась в слух.

— Генрих, король Англии, — раздраженно бросила Изабелла, объяснив мое удивление полным невежеством. — Твое приданое показалось его августейшеству недостаточно хорошим, внушительным и богатым.

Я лишилась дара речи; тревожная тяжесть в груди сменилась нервной дрожью. Мою руку предлагали королю Англии, вокруг моего приданого торговались, и в конце концов моя кандидатура была отвергнута. И все это без моего ведома!

— Вопрос лишь в том, сможем ли мы его переубедить? — Отпустив меня, мать прищелкнула пальцами, как будто с помощью магии пыталась найти решение проблемы в этой холодной комнате.

У меня появилась возможность отступить назад. Что я и сделала, и к тому же осмелилась снова задать вопрос:

— А он станет рассматривать вариант, от которого однажды уже отказался?

— Генрих хочет заполучить Францию, — довольно охотно ответила Изабелла, словно обрадовавшись, что у нее появился благодарный слушатель; но насмешка в ее голосе быстро поставила меня на место. — Ему мало нашей крови, пролитой по его вине в битве при Азенкуре. Благодаря какому-то древнему родству с его давным-давно почившей прародительницей